

тирует только представителей низших социальных страт, и отрывает молодых мужчин на два года от возможности получения престижной профессии.

Церковь как канал социальной циркуляции переместила большое число людей с низов до вершин общества. Так, например, П. Сорокин изучил биографии 144 римских католических пап и установил, что 28 из них вышли из низов, а 27 – из средних слоев. Сегодня церковь в России снова способствует восходящей мобильности множеству людей с низким социальным статусом. Однако не надо забывать, что пока церковь отделена от государства, социальная мобильность священников весьма ограничена.

Институты воспитания и образования, какую бы конкретную форму они ни приобретали, во все века служили мощным каналом социальной циркуляции. В современных условиях усиливается связь между образованием и профессиональным успехом. Образование и профессиональный успех становятся основой для социальной мобильности. Место в высших слоях общества зависит от качества образования и уровня образованности человека.

Так же индивид может перейти из одного слоя в другой с помощью выгодного брака, что в последнее время не является редкостью. По данным ВЦИОМ, половина россиян считают фиктивные браки нормой, а треть москвичей признались, что уже заключили брак по расчету.

В идеале, у Питирима Сорокина, человек продвигается по социальной лестнице благодаря своему таланту и способностям. К большому сожалению, в нашей жизни все совершенно иначе. Важнейшим, главенствующим вопросом социальной мобильности, к сожалению, являются деньги и материальные ценности. Многие живут по принципу «у кого деньги, у того и власть», с помощью денег человек может добиться почти любого социального положения. Главной целью людей так и осталось накопление богатства. Главенствующую роль играют деньги, на сегодня они являются основным каналом вертикальной циркуляции.

М.А. Уфимцева

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ В ДЕТСКИХ ДОМАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

На возросшее после Великой Отечественной войны число беспризорных и безнадзорных детей государство отреагировало постановлением Совета Министров СССР от 7 апреля 1947 года «Об улучшении работы по устройству де-

тей и подростков, оставшихся без родителей»¹. Данное постановление обязывало столичные и провинциальные власти взять под особое наблюдение работу по устройству детей, оставшихся без родителей. Если прежде Советы депутатов трудящихся и милиция вели борьбу с беспризорниками и всячески отстранялись от устройства бездомных и голодных детей, то после принятия постановления они должны были заниматься этим более ответственно². Также постановлением определялись меры улучшения материально-бытовых условий детей-сирот. Значительно расширилась сеть детских домов и контингент воспитанников.

В реальности в послевоенных детских домах Свердловской области были крайне тяжелые условия для жизни детей-сирот. Если в 1943 году в области имелось 88 детских дома³, то в конце 1945 года после массовой реэвакуации их насчитывалось 113 с контингентом 15996 человек, из них 24 детских дома дошкольного типа, специализированные интернаты для глухонемых и умственно отсталых детей, 3 детских дома санаторного типа. Продолжали функционировать 11 интернатов с эвакуированными юными жителями Ленинграда⁴.

Несмотря на увеличение количества детских домов, острой оставалась проблема нехватки площади. В городах наблюдалось большое перенаселение, а в сельской местности, еще до революции, крупных помещений кроме школ и больниц не было. Под детские дома отводили старые деревянные дома, постройки летних пионерских лагерей, брали в аренду здания у колхозов, зачастую, эти помещения не соответствовали требованиям, были не пригодны для проживания детей. Так здание Висим-Уткинского детского дома из-за ветхости и поражения грибком пришло в негодность, нахождение в таком помещении детей было опасным для их здоровья и жизни, но переселить ребят было некуда⁵. В дошкольном детском доме Верхне-Тавдинского района на 73 ребенка имелся один умывальник⁶. Туалеты в большинстве детских домов находились на расстоянии 100–150 метров от общежития детей, не отапливались, имели очень запущенный и грязный вид.

¹ *Товарищ комсомол*. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. 1918–1968. Т. 2. Москва, 1969. С. 55.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2819. Л. 223.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 61. Оп. 5. Д. 69. Л. 93.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 69. Л. 9.

⁵ Там же. Оп. 5. Д. 69. Л. 14.

⁶ Там же. Оп. 8. Д. 26. Л. 28.

В 1948 году была расширена жилая площадь на 112 детских дома для 2102 мест¹. Однако, проблема не была полностью ликвидирована: до середины 1948 года более половины детей-сирот спали подвое. Так в Тимохинском детском доме на 120 человек было всего 70 кроватей с соломенными матрацами².

Скученность, отсутствие карантинных отделений способствовали распространению различных инфекций. В ряде детских домов не было прачечных и бань, не имелось изоляторов в медпунктах. Медицинские осмотры детей проводились не регулярно, что нельзя сказать о сотрудниках, согласно медицинским карточкам персонал детских домов ежемесячно проходил медосмотр. Постельное и нательное белье менялось 2 раза в месяц, одежда за ребятами не была закреплена и быстро пачкалась и приходила в негодность, белье и одежда стирались плохо, так как не хватало моющих средств. Помещения не проветривались, потому что во многих зданиях детских домов отсутствовали стекла, и они были забиты досками и картоном. Дети – сироты часто не имели возможности пользоваться мылом, зубной щеткой и зубным порошком. В результате у детей наблюдались такие заболевания как туберкулез, трахома, малокровие, трихофития³. Повсеместно у детей диагностировался энурез и педикулез. В Верхне-Тавдинском дошкольном детском доме вместе с обычными детьми проживали дети с нарушением зрения, слуха и умственно-отсталые в связи с тем, что их отказывались принимать специализированные интернаты.

Многие детдома были плохо отремонтированы, не подготовлены к работе в зимних условиях. Так зимой 1948–1949 учебного года половина детских домов полностью не была обеспечены топливом⁴. В детском доме поселка «Фабрика» Тавдинского района температура в спальнях комнатах зимой 1948–1949 года была настолько низкой, что часть детей вынуждены были спать по двое на одной койке, отдельные дети спали, не раздеваясь. В детском доме отсутствовала посуда, из-за чего дети пили чай из стеклянных консервированных банок⁵. В целом, необеспеченность кухонным инвентарем была характерна для большей части детских домов.

В первые послевоенные годы заметно улучшилось питание воспитанников детских домов. С августа 1945 года на каждого воспитанника дополнитель-

¹ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 7. Д. 69. Л. 40.

² Там же. Оп. 8. Д. 27. Л. 33.

³ Там же. Оп. 7. Д. 69. Л. 18 об.

⁴ Там же. Оп. 7. Д. 22. Л. 17.

⁵ Там же. Оп. 8. Д. 26. Л. 30.

но выделялось 2 кг муки и 1 банка консервов в месяц¹. Однако, были случаи, когда низовые торговые организации подменяли продукты, положенные детям-сиротам, на более дешевые заменители. Так вместо мяса и рыбы в детские дома поставлялись яичный порошок, консервы, шпиг. Из-за плохих дорог и халатного отношения к работе руководителей детских домов дети могли длительное время не получать сахара и жиров. Так в Килачевском детском доме Зайковского района дети были настолько истощены, что при очередной проверке более чем у половины воспитанников обнаружили признаки дистрофии. В течение 1948 года 107 воспитанников этого детского дома не дополнили:

Мяса-рыбы – 864,9 кг;

Крупы – 366,8 кг;

Яиц – 6993 шт;

Сахара и кондитерских изделий – 168,8 кг;

Жиров – 206,6 кг;

Сыра – 355,2 кг;

Сухих фруктов – 20,1 кг.²

Директор детского дома Киселев был привлечен к уголовной ответственности.

Для решения продовольственного дефицита дети сами заготавливали грибы и ягоды, у 109 детских домов имелись свои подсобные хозяйства, при сборе урожая интернатам помогали комсомольцы и школьники. Выращивали на подсобных хозяйствах картофель, овощи, зерновые и бобовые. В некоторых детских домах силами воспитанников были заложены фруктовые сады с яблонями и вишнями³.

Даже в 1950-е годы в документах отмечались трудности в снабжении детских домов продуктами первой необходимости. Не хватало постельного и нательного белья, у 80 % детских домов имелось всего по 2 комплекта белья, сильно изношенного и ветхого. Выделяемый ежегодно мануфактурный материал на сумму от 851 000 рублей был крайне низкого качества и не мог полностью ликвидировать потребность детских домов в ткани для пошива белья и одежды. Не хватало обуви, особенно валяной, у 60 % воспитанников детских домов в первые послевоенные годы не было зимних пальто и шапок, поэтому на занятия в школу и на прогулки дети ходили по очереди. Отсутствовали нос-

¹ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 7. Д. 22. Л. 17.

² Там же. Оп. 8. Д. 27. Л. 24.

³ Там же. Оп. 7. Д. 22. Л. 11.

ки и чулки, совершенно не было носовых платков. Остро стояла проблема нехватки мебели, учебных принадлежностей, спортивного инвентаря, оборудования для мастерских¹.

Текучесть кадров также не способствовала нормализации воспитательного процесса. За первые послевоенные годы сменилось 20 % персонала². В некоторых детдомах на посту директоров и завучей работали случайные люди, подлежащие замене.

Среди недобросовестных руководителей детских домов и интернатов имелись случаи присвоения и разбазаривания государственного имущества, расхищения продуктов питания, предназначенных для детей. За 1948 год в Свердловской области директорами и завучами детских домов и интернатов был нанесен ущерб бюджету на сумму 49746 рублей³.

К 1950 году в Свердловской области кадровый голод в детских домах и интернах удалось ликвидировать, при этом весь педагогический персонал имел уже педагогическое образование, или заочно обучался на старших курсах педагогических училищах и вузах.

Большое внимание в упомянутом выше постановлении Совета Министров СССР уделялось организации трудового обучения в детдомах и трудоустройству детей. Но данное постановление выполнялось не в полной мере. Лишь в 89 детских домах реализовывалось трудовое обучение, из необходимых 163 мастерских имелись только 126. Трудовое обучение в детских домах было прославлено следующими видами труда: слесарным, столярным, швейным, сапожным. Для мастерских не хватало сырья, особенно пряжи, ощущался дефицит мастеров трудового обучения. Вместе с тем, трудовое обучение позволяло воспитанникам детских домов быстрее овладеть профессией. Для стимулирования трудового воспитания вводилась оплата за изготавливаемую продукцию. Часто производимые товары в мастерских шли не только на нужды детского дома, но и на продажу. Многие бывшие воспитанники детских домов Свердловской области добивались успехов на трудовом фронте, среди них тысячника мотозавода города Ирбита Васильчук, воспитанница Ирбитского детского дома № 2, мастера Первоуральского завода Вахов и Смыслов – воспитанники Серовского детского дома № 1⁴.

¹ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 8. Д. 26. Л. 30.

² Там же. Оп. 7. Д. 316. Л. 26.

³ Там же. Оп. 7. Д. 69. Л. 18.

⁴ Там же. Оп. 7. Д. 22. Л. 26.

Самое печальное, что нередко в свободное от учебы время дети были предоставлены сами себе, их досуг не был организован. Эту проблему пытались решать комсомол и пионерская организация. Повсеместно с воспитанниками детских домов шефами из производственных комсомольских организаций проводились беседы о героических страницах российской истории, о выдающихся русских полководцах, о героях Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны. Постепенно входили в практику комсомольской работы в детдомах физкультурные походы, спортивные соревнования. Правда, развитию физкультурной и спортивной работы мешала необеспеченность спортивным инвентарем: только в 10 % детских домах на конец 1948 года были полностью оборудованы спортплощадки¹.

Выше приведенные факты говорят о том, что положение в детских домах в первые послевоенные годы сложилось крайне тяжелое. Но не менее сложно, а подчас и просто трагично, складывалась повседневная жизнь всего послевоенного общества, особенно в деревне.

¹ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 8 Д. 26. Л. 25.